

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КНИГОВЕДЕНИЯ
ПРИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ

КНИГА О КНИГЕ

I

ЛЕНИНГРАД
1927

Напечатано по распоряжению Правления Государственной Публичной
Библиотеки.

Директор Института Книговедения *А. Плотников.*

Ленинградский Гублит № 27151. — 13 печ. л. — Тираж 750.

Государственная Академическая Типография.

В. О., 9 линия 12.

Технические правила набора и необходимость их изменения.

Вопрос о технике набора может быть не совсем подходит к аудитории Института Книговедения, как слишком технический, и ему лучшее место в среде техников, инструкторов и наборщиков, т. е. людей непосредственно работающих над книгой и постоянно занятых применением этой техники, но я думаю, что и здесь он, несомненно, найдет отклик, заинтересует и вызовет то критическое отношение, которого я жду и хочу больше всего, так как считаю, что нужно же найти общими усилиями способы сделать русскую книгу технически грамотной. Аудитория Института тоже работает над книгой и с книгой, любит ее эту книгу, и, конечно, не может не желать видеть ее хорошей и красивой не только по обложке и бумаге, но и по самому выполнению ее внутри, на каждой странице, чего до сих пор почти не встречается. Только как исключение попадает в руки иногда такая книга, но хочется, чтобы каждая выходящая в свет книга, какого бы она ни была содержания, для какого бы читателя она ни предназначалась, была бы выполнена технически грамотно. Все вышеуказанное и дает мне право взять темой доклада технические правила набора.

Но в чем дело? — зададут мне вопрос. — Ведь, как известно, правила набора есть, выработаны давно, преподаются в специальных школах и нужно только применять их при работе, чтобы на страницах книги водворилась эта техника, о которой вы хотите говорить!

Как будто, действительно, так просто обстоит дело техники набора — применяй, что указано и будь спокоен за страницы

книги, там все будет в порядке и хорошо. Я тоже долго так думал и считал, что именно такое и только такое решение вопроса должно быть; но, в настоящее время, мнение мое значительно изменилось и я не могу утверждать, что это единственный путь, и что его нужно продолжать настойчиво проводить в жизнь.

Попробую пояснить все это немного яснее и разобрать существующие правила набора, те правила, которые находятся в наших учебниках, преподаются в школах и рекомендуются на местах. Все они не сочинены нами, а заимствованы из различных источников, главным образом, немецких, а там они, как говорят, восприняты из лучших образцов книгопечатания прежнего времени и подробно разработаны техниками-специалистами. Одно то, что они взяты только из лучших образцов, уже показывает, что и тогда, во времена совершенно не похожие на наше время, как по самой технике работы в выполнении книги, так и по той нервной и постоянно спешной работе, правила применялись только к лучшей книге, а не к каждой, значит и тогда они применялись только иногда, а не всегда, и не были общеприняты, а может быть и общепризнаны. Значит и тогда, как и теперь, если выпускается какое-нибудь так называемое художественное издание, к нему стараются применить все то, что указано в учебнике, а просто обыденное издание выпускается теми же самыми людьми уже без таких правил, а как придется. Здесь странно уже то, что художественное издание всегда выпускается для читателя с повышенными знаниями и таковой же грамотностью, и вот для него-то применяются различные меры, облегчающие самый процесс чтения и не затрудняющие его хотя бы не техническими переносами и другими премудростями, в то время, как обыденное издание, идущее в руки читателя, зачастую полуграмотного, выпускается уже с затрудняющими переносами — так по крайней мере выходит; если подходить к книгам с учебником в руках. Вряд ли найдется любитель книги, который признает это нормальным и правильным, наоборот, он будет убежден в том, что при таком учете читателя, следовало бы поступить как раз наоборот. Но всего хуже, что такое положение существует в отношении к книге массовой, и в частности к книге крестьянской, о которой говорится — это какнибудь, грошевая книга, или как относятся к таким книгам в самих типографиях — это газетное дело; а между тем, может быть в газете-то и следует применять.

все, что облегчает чтение, а уж для крестьянской книжки — это стоит вне всякого сомнения: в ней должно быть все возможное и необходимое для облегчения чтения читателю, учитывая прежде всего его невысокую грамотность.

Я говорю здесь обо всем этом потому, что необходимость применения существующих правил всегда обосновывается тем, что такое-то облегчает чтение, а не утверждается, что так будет красивее; да это и верно, прежде всего удобство чтения, а с ним и сбережение зрения.

Правил много и разобрать их все здесь очень трудно, скажу даже — нудно, и поэтому я останавлиюсь только на тех из них, которые составляют основу набора, которые путают наборщика своей противоречивостью и этой противоречивостью зачастую совершенно уничтожают самих себя и заставляют наборщика настойчиво уклоняться от их применения в наборе.

Я работаю около книги давно, преподавал эти правила и толковал о них в технической литературе, и как-то никогда не задавался вопросом, насколько они осуществимы на практике, в том виде, в каком изложены повсюду. Это происходило, несомненно, благодаря гипнозу авторитетных имен как русских, так и иностранных, всегда казалось невозможным оспаривать авторитетное мнение П. Коломина или Ф. Бауэра, составителей таких солидных учебников, несомненно изучивших предмет. Но видимо ничто не вечно; пришло время, на старости лет, задуматься над этим. Толкнуло меня к этому, главным образом, непонятное упорство наборщиков исполнять правила, с которыми они с большинстве своем знакомы, что я выяснил из многочисленных личных разговоров; даже те из них, которым приходится инструктировать учеников, как только возвращаются к наборной кассе, забывают о необходимости применять правила и набирают так же, как и окружающие товарищи. Конечно, выход как будто подсказывается сам собою — заставить выполнять правила; но этот выход приемлем только в том случае, когда сам признаешь эти правила выполнимыми, а если такого убеждения нет, то положение становится безвыходным.

Повторяю, что вообще правил набора много. Пауль Реннер попробовал изложить их в пятнадцати пунктах, а М. Щелкунов уже в шестидесяти четырех, и оба пытаются охватить не только набор, но и вообще технику книги. Кое-где были попытки

смягчить некоторые правила, что делают и названные два специалиста, но делается это очень не смело и туманно, и, конечно, такие попытки не достигают цели; а кроме того, и книги их не имеют широкого распространения среди рабочей массы, а те одиночки-техники, которые их имеют и читали, находясь под прежним гипнозом известных имен и усвоивши с юности эти правила, видимо, не решаются изменить к ним свое отношение.

Из всех технических правил набора необходимо выделить одно, представляющее собою основу технически грамотного набора, правило, которое наиболее тщательно разработано, в котором, кажется, предусмотрены все многочисленные приемы, с единственной и достаточно определенной целью добиться хорошей строки набора — это правило, требующее возможно равномерной разрядки между словами; в этом правиле заключена красота текстового набора и одновременно облегчение глаза при чтении.

Правило это необходимо привести здесь целиком, чтобы дальнейшее было бы более ясным.

«Выключка ни в коем случае не может производиться произвольно, но всегда с соблюдением известных правил, гарантирующих точность работы и получение желаемых результатов.

Следует запомнить, что:

1. Прежде всего, перед каждой находящейся в строке запятой, т. е. между словом и запятой, ставится тонкая однопунктовая шпация, за исключением случаев, когда запятая стоит после у, г, так как эти буквы по своему рисунку уже образуют достаточный пробел между собою и запятой. Если в строке встречается слово, соединенное дефисом (черточкой), то его следует отбить тонкой шпацией с обеих сторон; если же дефис стоит перед буквами А, Т, то шпация ставится только перед дефисом, т. е., чтобы последний находился посредине словоразделения.

2. Если остается еще место для некоторых тонких шпаций, то пробелы после точки с запятой, двоеточия, вопросительного и восклицательного знаков (если они встречаются в середине набора; а не заканчивают предложения) и запятой увеличиваются каждый на тонкую шпацию; знаки эти разделяют предложения и указывают, что на тех местах читателю следует немного остановиться, следовательно, увеличенный в данном случае пробел облегчает чтение.

3. Затем, если еще остается место, то следует увеличить пробелы между словами, которые начинаются строчными буквами. Прежде всего шпации вставляются у тех слов, которые начинаются или оканчиваются буквами удлиненными вверх или вниз, каковыми являются: б, й, р. После них увеличиваются пробелы между остальными строчными буквами, а самыми последними увеличиваются пробелы перед словами, начинающимися с букв: д, л, у, или оканчивающимися на букву у.

4. Но если все-таки еще останется место для пробела, то можно и перед прописными буквами поставить тонкую шпацию, например, перед буквами А, Т.

Если же все пробелы увеличены в строке на тонкую шпацию и тем не менее остается свободное место, то тонкие шпации заменяются полуторачунктовыми. При этом следует держаться того же порядка, какой был указан выше.

5. Но если и этого окажется мало, то после точки, восклицательного и вопросительного знаков, заключающих предложение, прибавляют еще по тонкой шпации. Если же в исключительных случаях и этого окажется недостаточно, то тогда полуторачунктовые шпации заменяют двухпунктовыми, соблюдая тот же порядок увеличения. Этим обыкновенно и достигается крайний предел увеличения между словами в хорошем книжном наборе.

Уменьшение пробелов между словами производится в обратном, по сравнению с увеличением, виде, а именно в следующем порядке:

Нормальные пробелы между словами могут быть уменьшены более чем на половину только в самых исключительных случаях. Также надо избегать, чтобы разогнанные и сжатые строки не стояли бы вместе, — одна под другой».

Из приведенного видна тщательность, с которой нужно считаться наборщику, а также и стремление руководства добиться равномерной разрядки, которым он предусматривает малейшие изменения конструкции отдельных букв начинающих или оканчивающих слово, и старается использовать все такие изменения только для одного, чтобы разрядка всюду была совершенно равномерна. Скажу откровенно, что этого одного правила, если бы наборщик его выполнял, будет достаточно для создания хорошего вида страницы и облегчения глаза, но беда в том, что и оно сложно, и требует постоянного наблюдения над рисунками

букв в набранной строке, а кроме этого, сами же авторы всеми последующими пунктами правил, как бы нарочно, стараются добиться того, чтобы разрядка была испорчена наборщиком и превращена из нормальной в слишком широкую или слишком узкую, что уже затрудняет глаз и портит вид строки.

Что же это за технические правила, которые направлены к ухудшению набора?

Представьте, что строка случайно (а такие случайности очень часты) удалась наборщику без помощи шпаций, но в конце ее оказался союз «и» или предлог «с», и значит увеличивай разрядку, так как союзы и предлоги нельзя оставлять в конце строки, они должны быть обязательно в начале строки, и наборщику придется поставить лишних пять знаков или почти 8% излишнего труда, и как я уже сказал, испортить равномерность и точность разрядки.

То же самое, но только с еще большей порчей, он сделает применяя правила, запрещающие ломать такие фразы, как: т. е., и т. д., и проч.. А. С. Пушкин, 1926 год, XX век, 100 рублей и некоторые другие.

Когда думаешь об этом, то право удивляешься, как наш наборщик еще справляется с техникой, ему преподаваемой, достигая даже того, что видишь в выходящих книгах, правда, достаточно плохих технически по не равномерности разрядки. Дело доходит зачастую до курьезного понимания правил нашими корректорами, в большинстве своем не знакомыми с техникой самой работы, но прочитавшими один из учебников, и на основании своеобразного собственного толкования их уже заставляющих наборщика не разделять фраз: Карл Маркс, Вильям Шекспир, Владимир Ильич Ленин (Ульянов), думая, что имена и отчество даже набранные полностью нельзя отделять от фамилии. А между тем, что изменится, если все это будет разделено? Да ничего, кроме того, что глазу будет облегчен переход с одной строки на другую, так как помещенное начало любой фразы из указанных, само собой уже дает возможность угадать ее продолжение и, стало быть, не позволяет глазу перескочить на другую строку, заменяя употреблявшуюся в свое время указку. Последнее относится и вообще к каждому перенесенному слову, и поэтому в целях облегчения может быть следует уничтожить и запрещение делать переносы более чем в трех строках подряд. Тоже стран-

ное установление — трех строк, а не двух или четырех. Последнее правило основывается на том, что знак переноса, не заполняя собою пространства всей буквы, портит линию правой стороны страницы, делая ее как бы извилистой, но и с этим можно бы согласиться безоговорочно, если бы запрещалось оставлять в конце строки знаки препинания точку и запятую, еще более портящих строки; но последнее не запрещается, тогда к чему же гонение на знак переноса, почему он несчастнее других? Разве только потому, что его появление отчасти случайно, он может быть в слове и может не быть, тогда как запятая должна обязательно стоять после известного слова. Но тогда не лучше ли указать словолитням, чтобы они вернулись к старой форме этого знака в виде двух, а не одной, черточек, стоящих на верхней и нижней линиях букв, или отказаться вообще от употребления знака переноса, как это опять таки было в старых книгах, и как вернуться к этому предлагал недавно И. Я. Кругляков — инструктор Харьковской школы; в том и другом случае вопрос о знаке переноса решится благополучно.

Помимо этого, может быть, присутствующим удалось уловить, что вместе с стремлением к равномерности разрядки, правила говорят о необходимости увеличивать пробелы между словами, что прежде всего нужно поставить тонкую шпацию между словом и стоящей после него запятой, следующее увеличение между запятой и следующим за ней словом, и выходит, что в этих местах пробел уже увеличенный от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ нормального, благодаря же самого знака, помещающегося внизу, еще увеличивается настолько же и выглядит уже в двойной величине по сравнению с нормальным. Правда, учебники оговариваются, что это делается для того, чтобы облегчить читателю видеть места, где он должен сделать ту или иную паузу, но запятая и без увеличенного пробела дает уже увеличение и поэтому большее увеличение совершенно ни к чему, разве только для порчи разрядки и превращения ее из равномерной в неравномерную.

К этому же направлено и правило «надо стараться набирать по возможности без переносов». Что значит для наборщика «по возможности»? Возможностей всяких у него много. Не вмещается пять — шесть букв, убавь пробелы или увеличь их, чтобы перенести все слово и, конечно, испорти равномерность;

и он иногда портит ее очень добросовестно, стремясь к этой возможности.

Вот некоторые примеры борьбы одного правила с другими, основного с дополнительными, и так как этих дополнительных правил больше численностью, то они понятно и бывают постоянными победителями.

Или точно также следующие правила:

В первой строке после заголовка перенос не допускается.

Не допускаются переносы слов с одной страницы на другую.

Внизу страницы не оставляется одна строка, начинающаяся с абзаца.

Не переносится на следующую страницу одна концевая строка хотя бы и полная.

Концевая строка безусловно должна начинаться полным словом, но в крайнем случае меньше шести букв в нее не переносится.

Таким образом после определенного правила равномерности, целый ряд рогаток для наборщика.

А что изменится, если бы этих рогаток не существовало? По моему мнению, изменится к лучшему вид страницы; благодаря равномерности, в ней исчезнут так часто распространенные ворота, поражающие глаз своей белизной.

Почему, например, в первой строке после надписи или перед концевой строкой не допускается перенос? В первом случае можно допустить, что переносный знак, как бы срезает правый угол, благодаря рисунку дефиса — согласимся с этим условно, ну, а в верхней строке страницы он срезает или нет? Срезает, а в то же время он не запрещен.

Или внизу страницы не допускается строка начинающая абзац, тоже, видимо потому, что срезает левый угол, ну, а такая строка наверху страницы ведь тоже срезает тот же угол, а она не запрещается.

А концевая строка внизу страницы разве не срезает правую сторону? Также срезает — а она не запрещена, в то время как она запрещена вверху страницы.

Все это мне кажется очень застарело. В целом ряде художественных изданий английских мне уже пришлось видеть концевую строку сверху страницы, когда она целиком заполняет строку, и это гораздо лучше, чем абзац сверху.

Мне могут сказать, что все-таки эти правила применимы и не так уж затруднительны, нужна только внимательность рабочего и в доказательство назовут ряд книг, где это все аккуратно выполнено. Я знаю это, но все-таки пока останусь при высказанном, так как такие издания нисколько не разубедят меня в возможности выполнения главного правила при существовании рогаток. Мы недавно выпустили брошюру, где в конце строки не встречается ни одного знака препинания, но это не доказывает, что все можно так выпустить, даже при самом напряженном внимании и аккуратности. Такие фокусы, иначе я не могу их назвать, возможны только при участии автора, который переделывает, изменяет, дополняет, сокращает фразы, чтобы избежать знаков, иногда в ущерб изложению и ясности текста.

И все те книги, где все это применено, сделаны с участием автора, без которого ничего бы, вероятно, не вышло — фокус не удался бы.

Нужно не забывать, что в целом ряде сочинений нельзя изменить ни одного слова, ни одной буквы, а учебники советуют в затруднительных случаях прибавить несколько абзацев или убавить их, если это требуется рабочему, забывая, что если это возможно в книгах Коломнина и Бауэра, то это действительно безусловно не допустимо у А. Пушкина, И. Тургенева, Л. Толстого или В. Ленина, где все должно быть так, как было сделано автором, и где зачастую недопустимо изменение сокращенного «год», на одно «г.» в целое слово.

Чего же я хочу добиться своим докладом? Я хочу, чтобы правила были пересмотрены, из них удалены ненужные рогатки, и неприкосновенным осталось бы одно основное правило — равномерность разрядки.

При этом я хорошо сознаю, что это сделать не так легко. Мое предложение встретит энергичные возражения и упреки в варварстве по отношению к красивой книге, но поверьте, что это временное, прочно впитанное временем и оно постепенно пройдет. Но как и кому это сделать — вот тут попадаешь в тупик, так как нет организации, которая обладала бы достаточным авторитетом для проведения реформы технических правил набора. Мои попытки говорить об этом на собраниях в некоторых типографиях, встречались сочувственно, но там проглядывал,

главным образом, шкурный вопрос, а он не должен иметь места. Остается вернейшее средство — это печатное слово, которое должно вызвать различные отклики как сочувственные, так и враждебные, но сделать это нужно, хотя бы для проведения реформы правил набора потребовался и длинный период времени, иначе мы никогда не улучшим технику нашей книги.
